

рядке поступательной эволюции хозяйственной практики, сколько в режиме форсированного, сжатого во времени «скачка», подстегнутого политико-идеологическим фактором. Если И. Валлерстайн прав в трактовке Октября 1917 г. как «национально-освободительной» революции на полупериферии («миро-системы») – антиимпериалистической по лозунгам и модернизаторской по сути,⁸¹⁰ то вполне понятно, что такой политический переворот становился едва ли не необходимым условием радикального ускорения экономического прогресса страны – в том числе и изменения ее территориально-экономической структуры. Поразительно в этом свете, прежде всего, одно историческое совпадение – а именно, то, что антиимпериализм большевиков, заставлявший их воспринимать внешнее окружение как исключительно враждебное, вынуждал вести строительство «социализма в одной стране» геополитически в том же направлении, в каком это могли бы при других обстоятельствах делать силы экономического национализма – возможно, в менее форсированной и менее жертвенной форме.

Далеко не случаен тот факт, что к финалу Второй мировой войны, которая стала самой серьезной проверкой ресурсной силы и технологического уровня экономик воюющих стран, на роль подлинно мировых держав смогли претендовать, по существу, только три государства: Германия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.⁸¹¹ Удостоверенную войной мощь их экономик, наверно, нельзя полностью объяснять из логики их пространственного построения, но общий для них вектор усиления континентального ресурсного «ядра», несомненно, может рассматриваться как одна из важных линий детерминации в формировании национально-страновых экономических систем на определенном историческом этапе.

А.В. Иванченко
Екатеринбург

«ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА»: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ДИСБАЛАНСА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ СССР

Хроническая неспособность плановой экономики СССР удовлетворить потребительский спрос населения свидетельствовала о значительных внутривозьственных диспропорциях и являлась источником социального напряжения и недовольства в советском обществе. На

---

⁸¹⁰ Валлерстайн И. Концы знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2003. – С. 18 – 19.

⁸¹¹ См.: Schweller Randall L. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. – N.Y., 1998.

протяжении многих лет феномен «тотального дефицита» как специфической черты социалистической экономики служит объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей.

Известный венгерский экономист Я. Корнай использовал понятие «экономика дефицита» в качестве характеристики экономик социалистических стран, для которых явления дефицита характеризовались «постоянством, хроническим, а не временным существованием»⁸¹².

Факторы, порождавшие хронический дефицит, исключительно многообразны. Одной из ведущих причин, безусловно, являлась система приоритетов государственной экономической политики при распределении инвестиций по отраслям экономики: приоритет оборонной промышленности, на долю которой к началу 1980-х гг. приходилось 20 – 25% валового национального продукта СССР (в США – 6,5%) и порядка 15% бюджетных расходов⁸¹³; приоритет группы «А» (производство средств производства), вследствие чего финансирование группы «Б» (производство предметов потребления) осуществлялось по остаточному принципу.

В то же время 1950 – 1970-е гг. государство предпринимало многочисленные попытки для того, чтобы преодолеть очевидные диспропорции в развитии секторов экономики. Во-первых, начиная с середины 1950-х гг., государство всячески старалось снизить негативное влияние «гонки вооружений» на экономику (посредством оптимизации численности вооруженных сил, мирных инициатив на международной арене и т.д.). Во-вторых, в эти годы наметилась определенная трансформация инвестиционной политики в сфере развития тяжелой промышленности – приоритет стал отдаваться не строительству новых предприятий, а модернизации уже имеющихся. Одновременно в качестве важнейшей задачи народнохозяйственного развития было заявлено увеличение производства потребительских товаров.

Однако существенно изменить сложившуюся структуру и темпы роста капиталовложений в 1960 – 1980-е гг. не удалось. Как отмечал в своем дневнике в 1975 г. сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Анатолий Черняев, «На XXIV съезде (30 марта – 9 апреля 1971 – А.И.) очень красиво ...было сказано, что в основе девятой пятилетки должен быть рост благосостояния народа, что темпы «Б» должны быть отныне выше темпов «А», что теперь мы достигли такого уровня, когда можем одновременно с успехом решать и проблемы накопления, и проблемы потребления.... Так вот: по всем этим параметрам никаких принципиальных сдвигов и достижений с момента съезда нет»⁸¹⁴.

---

⁸¹² Корнай Я. Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. М., 2000. С. 261

⁸¹³ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. Маслоков Ю.В., Глубоков Е.С. Советская военная мощь. От Сталина до Горбачева. М., 1999.

⁸¹⁴ Черняев А.С. Советская политика 1972 – 1991 гг. - взгляд изнутри.

В 1940 г. в общем объеме продукции промышленных отраслей производство средств производства составляло 61%, предметов потребления – 39%. В 1982 г. эти показатели составляли соответственно 75,1 и 25,9%. Как видим, с ходом времени структурные диспропорции не только не уменьшались, но, наоборот, возрастали⁸¹⁵.

Проблема дефицита усугублялась негибкостью самого механизма государственного производственного планирования и управления экономикой, функционирующего в отрыве от реальных запросов и требований потребительского рынка.

В послевоенный период в СССР происходили качественные изменения технологического уклада экономики, приводившего к появлению новых отраслей, выпускавших продукцию широкой и разнообразной номенклатуры, а также количественному росту объектов управления. Все это приводило к существенному усложнению задач, стоявших перед плановыми органами, и как следствие, к ухудшению качества планирования.

Как отмечает экономист В.А. Найшуль, «по мере усложнения народного хозяйства, вызванного: ростом численности производителей, потребителей и номенклатуры продукции; диверсификацией и специализацией производства – разрыв между потребностями народного хозяйства в управлении и возможностями плановой системы непрерывно увеличивается».

Система директивного планирования, ориентированная на количественные показатели при постановке плановых заданий предприятиям, была неспособна учитывать динамичную структуру потребительского спроса и качественные характеристики продукции. Данная ситуация усугублялась сложностью и длительностью самого процесса внедрения новых, более прогрессивных образцов продукции, которые зачастую морально устаревали уже на самой начальной стадии серийного выпуска.

Наконец, сами предприятия, функционировавшие в условиях жесткого диктата плановых заданий, лимитированного выделения ресурсов и отсутствия реальной конкуренции, были не заинтересованы в перестройке ассортиментного ряда выпускаемой продукции и повышении ее качества с целью выпуска более востребованных, привлекательных для потребителя товаров.

Этому способствовал целый ряд обстоятельств: выпуск новых видов продукции требовал приобретения нового дорогостоящего оборудования и проведения пусконаладочных работ, что приводило к дополнительным расходам, иногда, остановке производства, а, следовательно, снижению рентабельности, фондоотдачи и показателей прибыли на достаточно длительный временной период; часть потребляемых пред-

---

1975. http://www.gwu.edu/~nsarchiv/rus/text_files/Chernyaev/1975.pdf
⁸¹⁵ Медведев П. Советский Союз. Последние годы жизни. М., 2009. С. 115

приятными финансовыми ресурсами носила бесплатный характер, причем величина бесплатной части зависела от финансового положения предприятия: чем менее производительным оно работало, тем большую часть его доходов составляли дотации из госбюджета, из отраслевых средств, списания долгов банку и т. п. Поскольку источником пополнения государственного бюджета были, в первую очередь, отчисления от прибыли, фактически неэффективная работа одних предприятий покрывалась за счет хорошей работы других.

В докладной записке Госкомцен СССР в Совет Министров СССР от 23 апреля 1971 г. отмечалось: «у предприятий, осваивающих новую продукцию, снижается рентабельность и уменьшается база для образования поощрительных фондов. В то же время при выпуске предприятиями старой продукции им не только возмещаются затраты на производство продукции, но и обеспечивается получение на эти затраты прибыли»⁸¹⁶.

Все выше сказанное порождало несколько парадоксальную ситуацию, когда, наряду с острой нехваткой востребованных видов продукции наблюдалось значительное накопление на складах и прилавках магазинов «неликвида» - товаров, ставших неходовым в силу низкого качества, морального устаревания либо откровенного брака. Ситуация, когда значительная часть ресурсов омертвлялась в виде «неликвидных остатков», усугубляла дефицит потребительских товаров и в целом ложилась тяжелым бременем на советскую экономику.

Анатолий Черняев описывал сложившееся положение, основываясь на данных, озвученных на проходившем в декабре 1973 г. Пленуме ЦК КПСС: «На складах скопилось на 2 млрд. рублей неходовых товаров, т.е. таких, от которых отвернулся покупатель. Это почти равно сумме капиталовложений во всю легкую промышленность на остаток пятилетки»⁸¹⁷.

При этом следует учитывать, что производство устаревшей, либо низкосортной продукции в некоторых случаях могло быть вызвано не только отсутствием стимулов, но и объективными производственными условиями. Наблюдалась ситуация, когда многие предприятия с глубоко устаревшими основными фондами и технологиями не получали достаточно средств для модернизации оборудования и, как следствие, улучшения характеристик продукции. В то же время они и не закрывались, продолжая функционировать, выпуская значительный объем никому не нужной продукции, расходуя впустую сырье и материалы, но, тем не менее, выполняя план.

Таким образом, «дефицит» и «неликвид» являлись двумя сторонами общего дисбаланса советской экономики.

---

⁸¹⁶ Боксеров Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970 – 1980-е годы. М., 2007. С.184 – 185.

⁸¹⁷ Черняев А.С. Советская политика 1972 – 1991 гг.- взгляд изнутри. 1973. http://www.gwu.edu/~nsarchiv/rus/text_files/Chernyaev/1973.pdf

В постсталинский период нарастание товарного дефицита обуславливалось не только недостатком предложения товаров, но и постоянно усиливавшимся давлением со стороны неудовлетворенного спроса. Начиная со второй половины 50-х гг. денежные доходы населения поступательно росли вследствие изменения вектора государственной политики в сторону повышения благосостояния советских людей. Так, в Уральском регионе за 1970 – 1985 гг. средняя заработная плата выросла более чем в 1,5 раза – со 123 руб. до 197 руб., причем ее размер был несколько ниже, чем по РСФСР в целом⁸¹⁸.

Однако благие намерения власти в перспективе таили в себе серьезные риски для макроэкономической стабильности. В СССР потребительские цены не играли той регулирующей роли между спросом и предложением, какую они играют в рыночной экономике, и не отражали реальной ситуации на рынке, так как устанавливались директивно, были в значительной степени заниженными (по ряду социально значимых товаров даже ниже себестоимости) и не менялись на протяжении длительного периода.

В условиях искусственно заниженных цен повышение зарплат приводило к поступательному увеличению неудовлетворенного потребительского спроса. На этот вызов советская экономика оказалась неспособна адекватно ответить пропорциональным увеличением предложения.

В советской экономической науке существовало осознание того, что в условиях товарно-денежных отношений цены должны выполнять регулирующие функции, и им следует придать определенную гибкость. В январе 1965 г. Научный совет по проблемам ценообразования направил в Совет Министров СССР доклад «Основные положения по дальнейшему совершенствованию планового ценообразования». В нем в частности констатировалось: «Гибкость розничных цен должна опираться на тщательное изучение платежеспособного спроса как в целом, так и, особенно, по видам продукции, по сезонам и в территориальном разрезе... Необходимо разработать методику учета и анализа платежеспособного спроса, обеспечить изучение, анализ, своевременный учет спроса организационно»⁸¹⁹. Однако никаких реальных действий в этом направлении предпринято не было.

Вопросы ценообразования были сложны не только с экономической, но и с политической точки зрения. Стабильные цены при поступательном росте заработной платы использовались как доказательство социальной справедливости политического строя и «заботы партии о простом человеке». При этом большинство населения не осознавало неэкономический характер такой ценовой политики, обратной сторо-

---

⁸¹⁸ Урал в панораме XX века. Глава VIII. Угасающее величие (1965-1985 гг.). Екатеринбург, С. 389 – 390.

⁸¹⁹ Бокарев Ю.П. Указ. соч. С.231.

ной которой являлся возрастающий дефицит товаров. Именно поэтому столь болезненно было воспринято обществом повышение цен на продукты питания в 1962 г. Последовавший за тем всплеск социального недовольства, послуживший одной из причин отставки Н.С. Хрущева в 1964 г., показал власти, что к вопросам ценообразования следует относиться очень осторожно – в дальнейшем цены повышались только на отдельные группы товаров, что проблему не решало.

В результате, дисбаланс между спросом и предложением от года к году только нарастал – с конца 60 – начала 70-х гг. рост денежных доходов населения стал все заметнее обгонять увеличение товарооборота. По оценке ряда экономистов, к середине 70-х гг. платежеспособный спрос удовлетворялся лишь на 50%.

Рост материального благополучия также приводил к изменению потребительских предпочтений. 1930 – 1950-е гг. в целом характеризовались «потребительским минимализмом», стремлением основной массы населения к удовлетворению, прежде всего, самых насущных потребностей. В последующие же десятилетия наблюдался не только рост денежных доходов, но и одновременное ослабление «железного занавеса», вследствие чего информация о потребительских стандартах и уровне жизни на Западе стала более доступной. Все это вело к росту потребительских запросов, как в части ассортимента, так и в части качества и «престижности» товара, равнению наиболее состоятельной части населения на зарубежные образцы.

Эта начавшаяся в 1960-е гг. трансформация потребительской психологии, помимо очевидного увеличения диспропорций в сфере спроса и предложения, привела к целому ряду негативных последствий для советской социально-экономической и политической системы.

Во-первых, рост потребительских запросов стимулировали развитие «теневое сектора» экономики. Спрос, как известно, рождает предложение, создавая возможности личного обогащения для людей, имевших доступ к дефициту. Это касалось не только роста контрабанды и формирования цепочек сбыта «из-под полы», но и криминализации системы государственной оптовой и розничной торговли. Значительные объемы дефицитной продукции (импорт и пользующиеся спросом товары советского производства) не доходили до покупателя, реализуясь посредством криминальных схем. В результате значительная часть товара «вымывалась» из системы государственной торговли, что само по себе создавало дополнительное давление на рынок и являлось сопутствующим фактором образования дефицита.

Во-вторых, ситуация, сложившаяся на потребительском рынке, имела ряд деструктивных для советской системы последствий социально-психологического характера. В структуре советского общества, которое с точки зрения официальной идеологии являлось социально од-

народным, наметилась специфическая линия социального размежевания – по степени близости к дефициту, «умения доставать» дефицитные товары, что порождало зависть и межличностную неприязнь. Кроме того, утвердившееся в обществе представление о тотальном превосходстве импортной продукции над товарами отечественного производства подрывало базовые ценностные установки советской идеологии. Все это в дальнейшем сыграло свою роль в крушении советской политической системы.

Л.В. Кальмина
Улан-Удэ

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.: НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ

В отличие от центра России, где промышленный переворот пореформенного периода последовательно охватывал сначала легкую промышленность, затем тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, в Сибири первоочередная концепция модернизации связывалась с транспортным строительством, которое создавало условия для промышленной революции в других отраслях. Сооружение Транссибирской магистрали стало, по сути, первой крупной акцией в модернизации Сибири⁸²⁰.

Формирование капиталистического уклада в регионе шло иначе, чем в европейской России: индустриальное развитие, взяв старт как частнокапиталистическое, продолжилось как государственно-феодалное предпринимательство Кабинета, Казны, дворянства и монастырей⁸²¹. К тому же темпы модернизации в регионе были значительно медленнее: если в России в целом промышленная революция в обрабатывающих отраслях промышленности победила к 1890-м гг., то в Сибири к этому времени она делала лишь первые шаги.

В Забайкалье промышленная модернизация имела догоняющий характер даже по отношению к Сибири. Хронологически она совпала с активной колонизацией края на ее «грабительской» стадии. Идея получения баснословных прибылей без особых затрат была близка и государству, и представителям различных социальных слоев. На рубеже XIX – XX вв. экономика Забайкалья все еще была неразвитой, нацеленной на форсированное выкачивание природных богатств: торговля, хоть и интенсивная, но с устаревшими формами; неразвитая инфраструктура; слабое про-

---

⁸²⁰ Баталова Т.И. Железнодорожное строительство на Алтае в начале XX в. // История Алтайского края. XVIII – XX вв. Науч. и документ. мат-лы. – Барнаул, 2005. – С. 217.

⁸²¹ Зинovieв В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. – Томск, 1999. – С. 9 – 10.